

УДК 14

Неомарксизм как концептуальная проблема

Шулико Георгий Андреевич

Аспирант,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;

e-mail: gashulik@gmail.com

Аннотация

Основная цель этой статьи заключается в том, чтобы определить концептуальные рамки столь сложного объекта, как неомарксизм – одного из наиболее влиятельных направлений западной философии XX века. Анализируя различные попытки определить эту школу теории и практики, автор приходит к оригинальному пониманию неомарксизма как формы восприятия марксистской традицией нового революционного опыта. Революционная практика представляется базовым понятием неомарксистской философии конца 1910-х – 1920-х годов; отношение к революционной практике определяет сущность неомарксизма. С этой точки зрения приобретает особое значение та историческая связь, которая была между первым поколением неомарксистов (Г. Лукач, К. Корш, А. Грамши) и советскими марксистами тех лет, лидерами большевиков, которая также анализируется в данной статье. Следующей стадией развития неомарксизма как революционной теории стали «бурные шестидесятые», когда большевистский опыт революции перестал быть чем-то уникальным, однако этот период парадоксальным образом закончился вместе с распадом СССР как крахом наиболее значимой попыткой революционных преобразований в XX веке. Таким образом, без успешной революционной практики, этим завершалась также и история первого и второго поколения неомарксистов.

Для цитирования в научных исследованиях

Шулико Г.А. Неомарксизм как концептуальная проблема // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 4А. С. 150-161.

Ключевые слова

Неомарксизм, марксизм, революция, большевизм, Грамши.

Введение

Как это зачастую бывает с историко-философскими наименованиями, образованными при помощи приставки «нео», неомарксизм не представляет собой четко оформленное понятие; в большинстве случаев это шапочный термин, используемый историками философии и гуманитарных наук для обозначения довольно широкого круга мыслителей, чья интеллектуальная биография была так или иначе связана с именем Маркса и которые по той или иной причине не могут считаться ортодоксальными марксистами или антимарксистами. Как, в принципе, справедливо отмечается в статье «Неомарксизм» из «Философского Энциклопедического Словаря» 1983 года, «в зарубежной литературе под словом Неомарксизм нередко объединяют все философско-социологические течения, использующие марксистскую фразу». Впрочем, судя по тому, как в самой этой статье определяется неомарксизм («течение буржуазной общественной мысли 30 – 70 гг. 20 в., ревизующее марксизм-ленинизм с позиций мелкобуржуазной революционности. «Неомарксизм» – неоднородное и противоречивое явление»), можно сказать, что отечественная литература, весьма пристрастно характеризовавшая неомарксизм в качестве единого целого не с теоретических, а с социально-политических позиций, также была далека от того, чтобы вкладывать в это понятие какой-либо глубокий концептуальный смысл.

Основная часть

Если же говорить непосредственно о концептуальных подходах к характеристике неомарксизма, то интересным примером такового может послужить точка зрения С.Н. Земляного, согласно которой неомарксизм представляет собой своеобразное «свое – чужое» марксистской традиции, ее побочную ветвь, отвечающую в традиции за ее самокритику: «Неомарксизм как «новый марксизм» обретает свой смысл лишь на фоне своей оппозиции «старому марксизму». Наиболее навязчивое его устремление – это деканонизация: сперва ортодоксального марксизма эпохи II Интернационала, затем – произведений Энгельса, а в конечном счете – теоретического наследия самого Маркса, которое неомарксизм вписал в проблемный контекст философии и науки 20 в.» [Земляной, 2010, 60]. Руководствуясь таким пониманием, Земляной выделяет несколько этапов в развитии неомарксизма: «ассимилятивный неомарксизм кон. 19 – нач. 20 в., западный марксизм (неомарксизм) 1920 – 80-х гг., постмарксизм поздних 80 – 90-х гг.». Характеризуя период «ассимилятивного неомарксизма», Земляной образно определяет его как «поветрие», которым «интеллектуальная Европа периода fin de siècle была охвачена», имея в виду тот интерес, который проявляли к Марксу жившие и

творившие на рубеже веков именитые философы и социологи (Рассел, Дюркгейм, Вебер, Кроче и другие); теория ассимилятивного неомарксизма Землянова невольно напоминает концепцию трансмарксизма Ю.А. Муравьева с той разницей, что если в видении Муравьева «Большой синтез» [Муравьев, [www](#)] марксизма и других философских направлений есть результат, складывавшийся по сути всей историей западного марксизма, то по Земляному этот синтез предварял историю западного марксизма буквально с самых истоков традиции.

Признавая определенные достоинства подобного понимания неомарксизма и его истории, мне представляются не менее значимыми его иные особенности; нейтральные и вполне безобидные при применении данного понимания с целью дать общую характеристику неомарксизму, если угодно, в качестве школьного понятия неомарксизма, они превращаются в недостатки, когда речь заходит об использовании такого понимания в исследовательских целях. Первой и, пожалуй, основной особенностью такого рода является отстраненность концептуальной рамки, предложенной Земляным для описания неомарксизма, от тех концептуально-исторических процессов, которые разворачивались в теории и практике марксизма, а также – поскольку Земляной, по сути, утверждает реактивную, зависимую от развития марксизма природу неомарксизма (в чем с ним можно согласиться) – и в самом неомарксизме на протяжении всего XX века. Так, невольно бросается в глаза огромный, никак не сегментированный, «западномарксистский» период истории неомарксизма длиной целых 60 лет.

Разумеется, Земляной, когда доходит дело до деталей, довольно обстоятельно рассматривает различные, как сменяющиеся, так и существующие одновременно друг с другом направления неомарксистской мысли (не разделяя, впрочем, западный марксизм и неомарксизм). Однако любые перемены в теории по Земляному предстают как исключительные движения в мысли: «Новая фаза неомарксизма – т.н. западный марксизм – начинается с 1923, когда с небольшим интервалом выходят в свет две впоследствии легендарные книги «История и классовое сознание» Лукача и «Марксизм и философия» К.Корша» [Земляной, 2010, 61]; «очередным этапом эволюции неомарксизма стало формирование Франкфуртской школы» и так далее. Между тем, период 1920 – 1980-х годов был отмечен массой событий истории марксизма не только и не столько как теории, но как революционной практики: поражения «Красного двухлетия» в Италии (1920) и инициированного Коминтерном восстания в Германии (1923); установление сталинского режима в СССР (1926 – 1934), завершившееся московскими процессами (1936 – 1938) и роспуском Коминтерна (1943); победа СССР в ВОВ и создание мировой системы социализма (1945 – 1955); победа китайских коммунистов в гражданской

войне (1949) и Кубинская революция (1959); условный «1968 год»¹ и последующее развитие городской герильи в 1970-х годах – вот перечень лишь самых знаковых из них. Земляной в своем предисловии к упомянутой работе Лукача упоминает лишь осуждение позиции Лукача и Корша на V конгрессе Коминтерна, бывшее реализацией политики Коминтерна на «большевизацию» европейских компартий, которое нельзя понять вне того теоретико-практического кризиса, в котором оказалось международное коммунистическое движение после поражения восстания немецких коммунистов в октябре 1923 года.

Иначе говоря, речь идет не о том, что Земляной в своем представлении неомарксистской философии уделил мало внимания ее «социокультурному контексту» или, тем более, прояснению вопроса, с каких классовых позиций неомарксизм ревизует марксизм-ленинизм. Проблема кроется в принципиально зауженном восприятии (нео)марксизма как академической теории, которое, конечно, нельзя назвать бесосновательным – в силу той очевидной тенденции к «академизации» западного марксизма, справедливо отмечаемое, в частности, Андерсоном [Андерсон, 1991, 161] – и поэтому которое должно стать необходимой частью более широкого взгляда теории и практики (нео)марксизма, но никак не ограничивать его. Данное требование к исследованию становится особенно существенным, когда речь идет о тех элементах (нео)марксистской теории, которые крайне тесно завязаны на соответствующем понимании революционной практики – а вопрос о гносеологических основаниях преодоления метафизики, как было показано в предыдущей главе, в ряде случаев как раз является таковым. Все это требует несколько иной исследовательской концепции неомарксизма.

Конечно, Земляной по факту прав, когда говорит об оппозиции старого и нового марксизма как существенной составляющей тех процессов, которые шли в западном марксизме на протяжении практически всего его существования. Правда, мне представляется, что борьба (по крайней мере, на начальном этапе) шла не столько между догматиками и деканонизаторами – это по большей части оценочные суждения – сколько между разными пониманиями марксизма, в рамках каждого из которых была как своя условная *doxa*, так и свой потенциал для той теоретической реформы, которую – опять-таки, в зависимости от оценок – можно назвать «ревизией» или «творческим развитием» марксизма. Другими словами, одной из центральных дискуссий в истории западного марксизма была полемика об «аутентичном», о подлинном марксизме. Своими корнями эта дискуссия – пожалуй, одна из самых продолжительных в истории марксистской мысли – уходит вглубь второй половины XIX века.

¹ «Куда правильнее говорить о «sixty rollers» или «бурных шестидесятых» – и то лишь по отношению к «первому миру»». См. также у А. Н. Тарасова [8].

Два десятилетия на рубеже XIX и XX веков перед теоретиками II Интернационала стояла проблема защиты своей интеллектуальной монополии или, по крайней мере, своего привилегированного положения среди прочих комментаторов Маркса и Энгельса. Истоки этой проблемы лежат в тех символических источниках, из которых лидеры II Интернационала черпали моральный авторитет для своего идейного и практического руководства над молодым социал-демократическим движением. Это был опыт партстроительства, мирной общественной деятельности (парламентской и профсоюзной), зачастую заработанный в непростых, хотя и давно для нее политических условиях: Земляной справедливо связывает создание «марксистского канона» с принятием в кайзеровской Германии Исключительного закона против социалистов и «и вынужденным перемещением руководящего ядра СДПГ, ее литераторов и теоретиков в Цюрих (Швейцария), ставший своего рода сборным пунктом левой интеллигенции всего мира <...> В этот период теоретики СДПГ во главе с Энгельсом, из Англии поддерживавшим с ними тесную связь, фактически монополизировали издание и истолкование трудов Маркса (Каутский, Э. Бернштейн, Ф. Меринг). На их работы, как и на популяризаторские произведения Энгельса («Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах», «Происхождение семьи» и др.), опирались марксистские теоретики этой волны в др. странах (Плеханов, А. Лабриола)».

Другими словами, в возникновении авторитета лидеров II Интернационала не последнюю роль играл – прежде всего, это касается вождей немецкой социал-демократии – факт личного продолжительного знакомства лидеров II Интернационала с Марксом и Энгельсом, многие из которых – вполне обоснованно – считали себя учениками Энгельса, а после его смерти продолжили работу по систематизации марксистского учения в качестве издателей, комментаторов, по сути, идейных душеприказчиков классиков марксизма. Что небезынтересно, уже в те годы одним из инструментов установления своей интеллектуальной гегемонии стало ранжирование трудов Маркса на «марксистские» и «немарксистские» – за несколько десятилетий до обнаружения рукописей молодого Маркса и начала соответствующего этапа дискуссии в западном марксизме [Плеханов, 1922-1927, 334].

Таким образом, можно сказать, что основания авторитета вождей II Интернационала носили довольно разнородный, если не сказать всесторонний характер; причем важно отметить, что в понятие авторитета здесь включается, помимо всего прочего, авторитет теоретиков в вопросах познания. Как справедливо замечает Андерсон, теоретики II Интернационала «стремились различными путями систематизировать исторический материализм как всеобъемлющее учение о человеке и природе, способное заменить соперничающие буржуазные теории, и дать рабочему движению широкое и ясное представление о мире, которое сразу смогли бы усвоить наиболее активные его сторонники». Тем единственным, что могло бы поколебать этот авторитет, как бы

парадоксально это ни звучало, была революционная практика.

Активное форсирование «сциентизации» марксистской теории стало для Маркса и Энгельса ответом на поражение общеевропейской революции 1848 – 49 годов; материалистическая диалектика стала своего рода эрзацем революционной практики в науке. При этом ни Маркс, ни даже Энгельс не оставляли надежд на революцию как на ту форму опыта, которая при любой «сциентизации» оставалась для классиков критерием истинности если и не всех теоретических построений (как это было для Маркса в 1840-е), то, по крайней мере тех, что касались устройства общества – настоящего, то есть марксистской теории общества, и возможного ближайшего будущего, то есть марксизма как революционной теории, как «учения об условиях освобождения пролетариата». С этой точки зрения можно понять, каким болезненным и пагубным в теоретическом (не говоря уже о личностном) плане является отсутствие нового революционной практики для теории, которая рассматривает революцию как свою форму опыта, если угодно, как свою лабораторию. Косвенным подтверждением этого взгляда может послужить та завышенная оценка Марксом и Энгельсом как всемирно-исторического явления Парижской коммуны, которая, «вопреки тому, что привыкла говорить марксистская традиция, ссылающаяся на Коммуну как на пример *пролетарского* государства (государства диктатуры пролетариата), <...> в собственном смысле слова государством не была. Это знал еще Энгельс, но по тактико-политическим соображениям марксисты эту точку зрения не пропагандировали, а со временем и вовсе забыли» [Тарасов, [www](#)].

Можно сказать, что отсутствие революционного опыта несколько неоднозначным образом работало на укоренение марксистской традиции. Однако, как уже было несколько в ином контексте сказано выше, революции и революционные эпохи всегда вносят свои изменения в традиционный порядок вещей и идей, даже если речь идет о традиции революционной теории. Носившая в течение долгого времени по преимуществу внутренний для социал-демократического движения характер проблема оснований приняла новое измерение, когда монополию «эпигонов», как на толкование работ классиков, так и в принципе на развитие марксизма оспорили большевики во главе с Лениным. Так, развернувшаяся после 1917 года на страницах российских и германских партийных изданий полемика большевистских теоретиков и Каутского была, помимо прочего, борьбой большевиков с Марксом – «почтенным резонером, склоняющимся перед святынями демократии, декламирующим о святости человеческой жизни <...> добропорядочным каутскианцем» [Троцкий, [www](#)], против Маркса, превращенного Каутским в «дюжинного либерала» [Ленин, 1975], за Маркса – коммуниста, сторонника революционной пролетарской диктатуры. В это время в среде европейских интеллектуалов, готовых более или менее критически поддержать Ленина и большевиков, рождается на свет

сложное и противоречивое явление, ставшее впоследствии называться западным (нео)марксизмом.

Исследователи нередко объединяют понятия западного марксизма и неомарксизма. К примеру, так поступил Земляной, так делает автор одной из лучших отечественных работ по немецкому марксизму 20-х – 30-х годов А. Дмитриев [Дмитриев, 2004]. По большому счету, это именно тот случай, когда взаимная отстраненность концептуального аппарата и исследуемого материала становится наиболее ощутимой. Сам язык как бы подсказывает нам о равенстве нового и западного в марксизме, тогда как старое, в лучшем случае, не всегда оказывается восточным, а восточное, оказывается, не всегда было старым; между тем, конец 1910-х годов кажется именно тем периодом в истории, когда подобная игра слов начинает представляться наиболее несправедливой.

По выражению известного британского историка-марксиста Э. Хобсбаума, одним из главных порождений Первой мировой войны стала революция как общемировая константа в истории двадцатого столетия. Это утверждение в особенности справедливо по отношению к революционным марксистам тех лет и их восприятию истории. Победа социалистической революции в России и следующая из этого факта уникальность политического опыта большевиков – первооткрывателей нового мира – наделили их крайне высоким моральным авторитетом в глазах европейских левых социалистов. Так, Антонио Грамши писал в декабре 1917 года:

«Это революция против "Капитала" Карла Маркса. <...> События взорвали критические схемы, определяющие, как российская история должна разворачиваться в соответствии с канонами исторического материализма. Большевики отвергли Карла Маркса, и их четкие действия и победы являются свидетельством того, что каноны исторического материализма не настолько незыблемы, как кому-то казалось, и как кто-то думал. <...> Они живут идеей Маркса – той идеей, которая вечна, которая <...> рассматривает в качестве доминирующего фактора истории не голые экономические факты, а человека, людей в обществе, людей во взаимоотношениях друг с другом, достигающих соглашений между собой, вырабатывающих через эти связи (цивилизацию) коллективную общественную волю; людей, приходящих к пониманию экономических фактов, оценивающих их и приспособляющих их к своей воле, пока это не становится движущей силой экономики и не формирует объективную реальность. Эта реальность существует, движется и начинает напоминать поток вулканической лавы, который может быть направлен в любом направлении, в зависимости от человеческой воли» [Грамши, 1998].

Разумеется, нельзя не заметить в словах Грамши явный эмоциональный запал, толкающий

его в объятья столь волюнтаристской интерпретации марксизма. Тем не менее, если говорить о концептуальных основаниях этого волюнтаризма, то можно смело утверждать, что он продиктован всем содержанием марксизма как теории, которая соотносит себя с миром посредством рационального осмысления такой формы опыта как революционная практика. В подобных условиях любая, даже самая марксистская, самая теоретически последовательная критика большевиков, которая не основывалась бы на опыте успешной революционной альтернативы (и примеры которой, в принципе, можно вспомнить), могла бы считаться с позиций революционного марксизма в лучшем случае начетничеством, попыткой обратить букву «Капитала» против революционного духа марксизма.

Последовавшее вскоре поражение социалистической революции в Европе и, прежде всего, в Германии, фактически обрекло международное коммунистическое движение на организационное и идейное господство советских коммунистов, которое, в тех же исторических обстоятельствах, по мере развития фракционной борьбы в ВКП(б) постепенно начало принимать сталинистские формы. Именно в этом относительно небольшом временном интервале – от 1917 года до разгрома Коминтерна в конце 30-х и его роспуска в 1943 году – заключена история первого этапа развития неомарксизма или, как я бы предложил его назвать, «первого неомарксизма». Приставка «нео-» в этом контексте оказывается указанием не на новую теорию, а на новый революционный опыт. Подобно тому, как революция 1848 – 49 годов и отчасти Парижская Коммуна стали основой – в качестве предмета осмысления («Революция и контрреволюция в Германии», «Гражданская война во Франции»), модели для развития исторического анализа (в этом отношении наиболее показательна работа «18 брюмера Луи Бонапарта») и общего стимула к изменению – нового этапа развития классического марксизма, революция 1917 – 1923 годов стала тем же для очередного этапа развития марксистской теории. В этом смысле неомарксизм оказывается, как и в концепции Земляного, постоянным спутником марксистской традиции, но не столько в качестве органа самокритики, – хотя этот момент, безусловно, также присутствует, но он мне кажется вторичным – а как орган восприятия и усвоения традицией нового революционного опыта.

В 1930-х – 1950-х годах близкие к марксизму европейские интеллектуалы, не желающие поддерживать политику сталинского СССР и соответствующее понимание марксизма, но и не могущие предложить революционной альтернативы, оказались в затруднительном положении, схожем с тем, в котором пребывали классики марксизма на протяжении большей части их творческого пути. Довольно ярко драматизм этого положения охарактеризовал Герберт Маркузе: «Перед лицом политической реальности такая позиция была бы беспомощной, абстрактной и аполитичной; но, когда политическая реальность как целое ложна, может оказаться, что только «неполитическая» позиция и является политической истиной» [Маркузе,

Начало следующего этапа развития марксистской теории и практики приходится на 1960-е годы, на ту эпоху, когда большевистско-советский опыт революционной практики перестал быть чем-то уникальным. Победа коммунистов в гражданской войне в Китае, Кубинская революция, Индокитайские войны как пример успешного сопротивления западному империализму, антиколониальные движения и национальные версии социализма в странах Африки и Латинской Америки – весь этот опыт мог послужить эмпирической основой для новой революционной теории, отличной от ленинской, и позиция которой, в отличие от всей предшествующей левой критики советского марксизма, впервые со времен Розы Люксембург не «была бы беспомощной, абстрактной и аполитичной». Следствием такого рода ожиданий в среде европейских интеллектуалов стал повышенный интерес к событиям в КНР (в особенности после ее разрыва с СССР) и революционным процессам в странах третьего мира, в идейном выражении приведших к возникновению и развитию в 60-х – 70-х годах таких парадоксальных, на первый взгляд, явлений как европейский маоизм и ряд западных концепций городской герильи. С философской точки зрения, как формы осмысления новых форм организаций революционной практики, эти явления также могут быть объединены в понятии неомарксизм, который я предлагаю именовать «вторым неомарксизмом», чтобы его можно было как-то просто и доступно отличить от первого, или классического неомарксизма Лукача – Корша – Грамши.

Начиная с 1970-х годов в мире начался спад массовых революционных настроений; это был период постепенной стабилизации капитализма, и хотя отдельные национальные революционные движения продолжали свою борьбу и даже продолжали приходить к власти (например, сандинисты в Никарагуа, «Революция гвоздик» в Португалии, МПЛА в Анголе и другие), в целом можно было констатировать, что тот глобальный революционный кризис, пик которого пришелся на 1968-ой год, миновал. В этом отношении переломным и таким же символическим, как 68-ой, стал год 1973-ий – год военного переворота в Чили и установления диктатуры Пиночета, чьи неолиберальные экономические реформы открыли новую эпоху в развитии капитализма – эпоху, с известным скрежетом, но продолжающуюся до сих пор.

Перефразируя известный прогноз Маркса, можно сказать, что Европа не поднялась, а старый крот истории вновь ушел под землю. Для европейских левых интеллектуалов 70-е годы были периодом нарастающего отчаяния, что, в частности, выразилось в последовавшем за революционным спадом периоде расцвета левого терроризма (и бывшим, помимо прочего, еще одним симптомом кризиса массовых движений). В свою очередь, среди тех интеллектуалов, кто осудил обращение к индивидуальному терроризму в качестве политического инструмента или кто, осуждая подобные методы, относился к самим сторонникам террора со смешанными

чувствами, царила апатия, которая по своему характеру была намного глубже даже той, в которой пребывали многие левые интеллектуалы во время сталинистского триумфа и разгрома Коминтерна в 1930-х. Мишель Фуко – мыслитель, которого хотя и сложно назвать (нео)марксистом, как человек, вне всякого сомнения, живший во многом теми же настроениями, что прочие левые интеллектуалы стран «первого мира», – ярко описал это ощущение:

«Сегодня <...> можно сказать, что, может быть, впервые после русской октябрьской революции 1917 года <...> на земле нет ни единой точки, откуда мог бы забрезжить луч какой-то надежды. <...> Впервые левое движение, <...> вся левая европейская мысль, европейская революционная мысль <...> утратила исторические ориентиры, каковые она прежде находила в других частях земного шара. Она утратила конкретные точки опоры. Больше не существует ни единого революционного движения, и тем более не существует ни единой социалистической страны без кавычек, страны, на которую мы могли бы сослаться, чтобы сказать: вот как надо поступать! Вот образец!» [Фуко, 2005].

Этой пессимистической констатацией Фуко подвел символическую черту под всей историей западного марксизма как сонма интеллектуальных проектов, чьи создатели – в своей поддержке и критике, в своих ожиданиях и опасениях – жили чужим и зачастую чуждым для них революционным опытом. Пройдет всего 15 лет – и само разделение марксизма на «новый» и «старый», «западный» и «советский» надолго потеряет какой-либо актуальный смысл.

Заключение

Между тем, место для надежды есть всегда. Последний системный кризис капитализма, прошедший волной революций и протестных выступлений по всему миру, довольно отчетливо показал, что, говоря ленинскими словами, проблема сегодняшнего дня состоит не в отсутствии революционной ситуации, а в субъективном факторе, превращающем ситуацию в нечто большее. И как знать, не появятся ли вскоре новые марксисты, которые дадут исследователям возможность говорить о «третьем» неомарксизме.

Библиография

1. Андерсон П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма. М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
2. Грамши А. Революция против «Капитала» // Альтернативы. 1998. №3. URL: http://libelli.ru/magazine/98_3/index.htm
3. Дмитриев А. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920 – 1930-е гг.). М.: Летний сад, 2004. 528 с.

4. Земляной С. Неомарксизм // Новая Философская Энциклопедия. М.: Мысль, 2010. С. 60-64.
5. Ленин В. Пролетарская революция и ренегат Каутский // ПСС. М.: Издательство политической литературы, 1965–1975. Т.37. С. 235-338.
6. Маркузе Г. 33 тезиса // Альтернативы. 2007. №2. URL: http://www.alternativy.ru/ru/webfm_send/410
7. Плеханов Г. Философская эволюция Маркса // Сочинения. М.-Л., 1922-1927. Т. 18. С. 323-334.
8. Тарасов А. In memoriam anno 1968. URL: https://scepsis.net/library/id_550.html
9. Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. URL: www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm
10. Фуко М. Пытка – это разум // Интеллектуалы и власть. Пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Праксис, 2005. С.67-78.

Neo-Marxism as a conceptual problem

Georgii A. Shuliko

Postgraduate,

Lomonosov Moscow State University,

119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;

e-mail: gashulik@gmail.com

Abstract

The main goal of this article is to define a conceptual framework of such complex subject as neo-Marxism, one of the most influential branches in the Western Philosophy in XX century. Analyzing various attempts to define this school of thought, author comes to original understanding of neo-Marxism as form of perception of new revolution experience by Marxist tradition. Revolutionary practice is the basic concept of Marxist philosophy in late 1910s -1920s; relation to revolutionary practice determines the essence of neo-Marxism. In this way, particular importance is achieved by historical connection between first generation of neo-Marxists (G. Lukács, K. Korsh, A. Gramsci) and soviet Marxists, Bolsheviks' leaders, that is also investigated in this article. Next stage of neo-Marxism as revolutionary theory were «sixty rollers», when Bolsheviks' experience of revolution ceased to be unique, but this period paradoxically was ended with collapse of USSR as failure of the most significant attempt of revolutionary transformations in XX century. Therefore, without successful revolutionary praxis, there was ended history of the first and second generations of neo-Marxism. The last systemic crisis in capitalism, which passed through a wave of revolutions and protests around the world, quite clearly showed that, in Lenin's words, today's problem consists

Georgii A. Shuliko

not in the absence of a revolutionary situation, but in a subjective factor that turns the situation into something more. And how to know if new Marxists will soon emerge, which will give researchers the opportunity to talk about the "third" neo-Marxism.

For citation

Shuliko G.A. (2017) Neomarksizm kak kontseptual'naya problema [Neo-Marxism as a conceptual problem]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6(4A), pp. 150-161.

Keywords

Neo-Marxism, Marxism, revolution, Bolshevism, Gramsci.

References

1. Anderson P. (1991) *Razmyshleniya o zapadnom marksizme; Na putyakh istoricheskogo materializma* [Reflections on Western Marxism; On the paths of historical materialism]. Moscow: Inter-Verso Publ.
2. Dmitriev A. (2004) *Marksizm bez proletariata: Georg Lukach i rannyya Frankfurtskaya shkola (1920 – 1930-e gg.)* [Marxism without the proletariat: Georg Lukacs and the early Frankfurt school (1920-1930)]. Moscow: Letnii sad Publ.
3. Foucault M. (1975) *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard.
4. Gramsci A. (1998) Revolyutsiya protiv «Kapitala» [Revolution against "Capital"]. *Al'ternativy* [Alternatives], 3. Available at: http://libelli.ru/magazine/98_3/index.htm [Accessed 07/07/2017]
5. Lenin V. (1965-1975) Proletarskaya revolyutsiya i renegat Kautskii [The Proletarian Revolution and the Renegade Kautsky]. In: *Full Collection of Works*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. Vol. 37.
6. Marcuse G. (2007) 33 tezisa [33 theses]. *Al'ternativy* [Alternatives], 2. Available at: http://www.alternativy.ru/ru/webfm_send/410 [Accessed 07/07/2017]
7. Plekhanov G. (1922-1927) Filosofskaya evolyutsiya Marksa [Philosophical evolution of Marx]. In: *Collection of Works*. Moscow-Leningrad. Vol. 18.
8. Tarasov A. *In memoriam anno 1968*. Available at: https://sceptsis.net/library/id_550.html [Accessed 07/07/2017]
9. Trotskii L. *Terrorizm i kommunizm* [Terrorism and Communism]. Available at: www.marxists.org/russkij/trotsky/1920/terr.htm [Accessed 07/07/2017]
10. Zemlyanoi S. (2010) Neomarksizm [Neo-Marxism]. In: *Novaya Filosofskaya Entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Mysl Publ.